

Силовое предпринимательство

Глава 8

ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Волков Вадим Викторович

ГУ–ВШЭ, Европейский университет в Санкт-Петербурге

E-mail: volkov@eu.spb.ru

Формирование государств является одним из основных предметов исторической социологии. Наиболее интенсивно процесс формирования государств в Европе проходил в XV–XVII вв. К XIX в. европейское государство приобрело свою современную форму, которая и послужила основанием для известного идеально-типического социологического определения государства, данного Максом Вебером: «монополия легитимного физического насилия»¹. Возможность конструирования идеального типа означала, что в исторической действительности формирование государства в основном завершилось и что вся последующая политика и, соответственно, ее анализ будут осуществляться уже в рамках этой новой формы социальной организации. На смену длительной и жестокой политике, суть которой – борьба организации, называвшейся государством, за установление суверенитета в пределах определенной территории за счет достижения монополии на насилие, судопроизводство и налогообложение, пришла политика другого типа, которая уже не затрагивала эти ключевые монополии, а опиралась на них. То, что когда-то являлось целью политики, стало ее основным инструментом. После того как государство состоялось в качестве организующей формы, позволявшей контролировать применение силы, распределять ресурсы и осуществлять эффективное управление, борьба шла уже за достижение контроля над этими основополагающими возможностями. Таким образом, необходимо с самого начала четко различать политику суверенитета, результатом которой явилось формирование государства, и политику в обычном понимании, целью которой является контроль над государственным аппаратом. Говорить об обычной политике имеет смысл только после того, как аппарат государства достигнет определенного уровня административных возможностей. Политика формирования государства связана с условиями возможности политики в обыденном понимании. Аналогичное соотношение присутствует и в познании обоих явлений. Рассмотрение политики как конкурентной борьбы между различными группами или партиями за контроль над государством (прежде всего над аппаратом исполнительной власти) с необходимостью полагает существование государства и соответствующих административных возможностей, тогда как анализ формирования государства по определению не может полагать государство в качестве отправной точки. Поэтому политика формирования государства попадает, как правило, в область исторического познания, в то время как обычная политика рассматривается в контексте настоящего, как текущая или современная политика, вне исторической размерности.

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 645.

Одним из ярких исключений из этой тенденции является исследование бартерной экономики и роли денег в постсоветской России, выполненное американским социологом Дэвидом Вудраффом. Автор решительно отходит от общепринятого понимания политики как борьбы различных групп за доступ к денежно-кредитным рычагам управления хозяйством и предлагает рассматривать российскую политику 1990-х гг. как борьбу за установление единого средства платежа, т.е. за то, чтобы создать один из таких рычагов управления, а вместе с ним – и одно из ключевых условий государственности как таковой. В большинстве исследований постсоветского периода внимание ученых сосредоточено на успехах и неудачах политики рыночных реформ, проводимой российским правительством. По мнению Вудраффа, говорить о такой политике значит ошибочно полагать, «что данное правительство уже имеет в своем распоряжении инструменты господства – в том числе, контроль над денежными средствами – которые поддерживают рыночную экономику в масштабе страны»². Он проводит различие между политикой денежной консолидации, включающей в себя борьбу между различными группами за то, что считать средством платежа, и политикой распределения наличных денег, т.е. борьбой за то, кто сколько получит из «кассы» (т.е. казны). Первый тип политики очевидно относится к процессу формирования государства, второй – связан с политикой в обычном понимании. По мнению автора, преобладание бартерной экономики, которая в середине 1990-х годов разделила экономическое пространство России на множество закрытых и непрозрачных для правительства систем обмена и таким образом подорвала государственную монополию на средства платежа, дает основания отказаться от господствующей метафоры «рыночных реформ». Вместо этого при исследовании российской политики более уместна аналогия с меркантилистским периодом становления капитализма, когда формирующиеся европейские государства стремились ввести единые средства платежа на подконтрольных им территориях, тем самым создавая национальные рынки. Не настаивая на явном сходстве в исторических периодах, Вудрафф, тем не менее, демонстрирует, как можно продуктивно использовать историю для анализа современной политики. История (в данном случае история формирования государств и рынков) образует фоновое знание, которое помогает выявить структурные параллели и задает общее направление исследованию, не образуя при этом его содержания.

Исторические параллели условны, однако они дают возможность установить критическую дистанцию, которая так необходима в социологическом исследовании. Они важны эпистемологически, поскольку позволяют нам иначе взглянуть на реальность, увидеть ее совсем не такой, какой она навязывается нам господствующим и принимаемым на веру дискурсом сегодняшнего дня. Джоэл Мигдал, занимавшийся исследованием государств в третьем мире, заметил, что мы ошибочно воспринимаем государство как часть привычного ландшафта: «То, что кажется нам неотъемлемой частью существующего миропорядка и воспринимается нами так же естественно, как окружающие нас реки и горы, на самом деле является творением короткого промежутка человеческой истории»³. Историческая ретроспектива особенно полезна, для того чтобы преодолеть восприятие государства как некоторого независимого от нас объекта. Изучение истории формирования государства также помогает отойти от статичного сущностного понимания государства и увидеть, что оно есть не более чем набор определенных действий или практик.

² Woodruff, David. *Money Unmade: Barter and the Fate of Russian Capitalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1999. P. 7.

³ Migdal, Joel. *Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World*. Princeton: Princeton University Press, 1988. P. 16.

В данной главе мы представим государство с точки зрения истории его формирования. Затем в последней главе вернемся к рассмотрению силового предпринимательства и представим динамику взаимодействия организаций, контролирующего организованное насилие, как часть процесса формирования государства, разворачивающегося не в прошлом, а в настоящем. Отсутствие общего организующего начала и неопределенность последствий отличают формирование государства от другого сходного явления – государственного строительства, которое связано с централизованной политикой, направленной «сверху вниз», и основано на сознательном проекте.

Монополия легитимного насилия

Вебер определяет государство как территориальную монополию легитимного насилия⁴. На практике существование государства зависит от способности администрации успешно поддерживать притязания на монопольный контроль за применением силы и обеспечивать легитимность поддерживаемого таким образом порядка⁵. Любое сообщество, обладающее превосходящей силой и способное сохранять длительный контроль за применением силы в рамках определенной территории, а также защищать ее границы, рано или поздно обретет легитимность. Вебер выделяет три этапа превращения политического сообщества в государство: конкурентная борьба и бесконтрольное применение насилия группами воинов, занимающихся грабительскими набегами; возникновение территориальных монополий с ограниченным использованием силы, обладающих возрастающей степенью легитимности; и наконец, период, когда аппарат принуждения преобразуется в институт охраны прав собственности⁶.

Согласно Веберу, формирование государства не является планомерной реализацией замысла или движением к намеченной цели. Он рассматривает возникновение государства как результат борьбы за выживание и господство, как набор организационных решений, способствующих созданию превосходящей силы. В его подходе имплицитно содержится идея Ницше о том, что любое важное историческое событие – а возникновение государства, безусловно, является таковым – есть отражение меняющегося соотношения сил, находящихся в постоянной борьбе, признак того, что некая превосходящая сила установила свое господство. Исходя из критического подхода Ницше, названного им «генеалогией», формирование государства должно рассматриваться не как преднамеренное действие или реализация определенного проекта и тем более не как свободный контракт участвующих сторон. С точки зрения Ницше, оно представляется «последовательностью более или менее укоренившихся, более или менее не зависящих друг от друга и разыгрывающихся процессов возобладания, включая и чинимые им всякий раз препятствия, пробные метаморфозы в целях защиты и реакций, даже результаты удавшихся провокаций»⁷. Согласно такой точке зрения, формирование государства – это серия организационных нововведений в контексте непрекращающейся борьбы или процесс создания различных приспособлений и механизмов, предназначенных для сиюминутного использования, при этом некоторые из них переживают своих создателей и меняют свой смысл и назначение, будучи впоследствии приспособленными к другим целям. Например, всеобщий налог, *taille royale*, и аппарат регулярного налогообложения были оригинальными изобретениями

⁴ Вебер М. Указ. соч. С. 645–646.

⁵ Weber, Max. *Economy and Society*. Berkeley: University of California Press, 1978. Vol. 1. P. 54.

⁶ Ibid. P. 904–908.

⁷ Ницше Ф. К генеалогии морали. Соч. в 2-х томах. М.: Мысль, 1990. С. 456.

французского короля, в середине XV в. введенными с целью быстрого сбора средств для финансирования первых регулярных военных формирований в Европе, состоявших из шотландских наемников⁸. Лишь много лет спустя регулярное налогообложение прижилось в качестве общественного института и превратилось в важный инструмент макроэкономического регулирования.

Норберт Элиас, один из первых последователей Вебера, считал формирование территориальных монополий силы законом истории. Распад империи Карла Великого привел к образованию большого количества небольших, слабо структурированных королевств, графств, феодальных вотчин и других территориальных объединений. Их правители, бывшие вассалы великих князей, превратились в суверенов, управлявших собственными владениями, собиравших дань и воевавших с соседями, чтобы завладеть трофеями и захватить новые территории. В ходе этих войн многие земли теряли суверенитет в случае поражения и присоединялись к владениям победителя. Это обеспечивало приток ресурсов для ведения новых войн. Элиас утверждает, что динамика развития ранних европейских государств состоит в следующем: с течением времени в результате войн на уничтожение [elimination contests] увеличивающиеся силовые ресурсы неизбежно сосредотачиваются в руках постоянно уменьшающегося числа правителей⁹. Вследствие простого закона, согласно которому в каждой войне есть победитель и проигравший, в действие вступает механизм формирования монополии: если определенные претенденты оказываются победителями, их силовые ресурсы возрастают, а возможности проигравших уменьшаются. Впоследствии ресурсы победившего правителя возрастают до такой степени, что он оказывается в состоянии установить и поддерживать долгосрочную монополию на использование силы в пределах значительной территории, которая таким образом становится его суверенным владением. Теоретический анализ того, как «невидимая рука» ведет к созданию центральной организации с монопольным правом на охрану и принуждение в пределах своей юрисдикции (территории), представлен также в работах известного теоретика государства Роберта Нозика¹⁰.

Прошло много времени, прежде чем действительность начала приобретать черты идеально-типического государства, как его определил Вебер. Ситуация, при которой различные силовые структуры конкурировали с правительством или дополняли его, продолжалась вплоть до XVIII в. Отношения между правительством и частными владельцами средств насилия, особенно за территориальными границами государств, долго основывались на временных альянсах, а не на постоянной службе, на соображениях тактического характера, а не на правовых нормах. «В периоды войн, – пишет Ч. Тилли, – правительства часто поручали каперам совершать набеги на противника, а иногда нанимали для этого бандитов или пиратов; они также поощряли мародерство в своих регулярных войсках»¹¹. Английский трон активно использовал услуги каперов вплоть до XIX в. В XVI в. так называемые «морские волки» [Sea Dogs] способствовали победам английского флота над Испанской армадой. «Помимо нападений на испанские суда и поселения, морские волки – капитан Дрейк, Кевендиш, Клиффорд (третий герцог Камберлендский) и Рэйли – занимались тем, что можно было бы назвать терроризмом при

⁸ Anderson, Perry. *The Lineage of The Absolutist State*. L.: Verso, 1979. P. 32.

⁹ Elias, Norbert. *The Civilizing Process*. Oxford: Basil Blackwell, 1995. Vol. 2. P. 345–354.

¹⁰ Nozick, Robert. *Anarchy, State, and Utopia*. N.Y.: Basic Books, 1974.

¹¹ Tilly, Charles. War Making and State Making as Organized Crime, in: Evans, Peter, Dietrich Rueschemeyer and Theda Skocpol (eds.) *Bringing the State Back In*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 173.

поддержке государства», – утверждает историк Дженис Томпсон¹². Под угрозой спалить дотла два испанских колониальных города Дрейк получил от них крупные выкупы. При этом он уничтожил три других города. И он, и Рэйли делились своей добычей с английским тронем, и были награждены за свои заслуги рыцарскими титулами. Однако позже, в 1618 г., когда его грабежи в испанской Америке вошли в противоречие с внешней политикой Англии, сэр Рэйли был казнен.

Некоторые экономические последствия монополии силы

Теоретически легко заметить, что монополия силы является предпосылкой мирной экономической конкуренции. Классическая экономическая модель свободного рыночного обмена подразумевает условия равной безопасности для всех участников (фирм). Такое положение может поддерживаться либо индивидуальными мерами по обеспечению безопасности, которые предпринимаются каждым участником против всех остальных, либо посредством всеобщего разоружения и отказа от права использовать силу в пользу третьей стороны. Первое решение является нестабильным и дорогостоящим (хотя это зависит от размеров фирмы), и механизм образования монополии со временем приведет ко второму решению. Это не значит, что монополия силы возникает в результате соглашения. Конкуренция с применением насилия будет способствовать перераспределению силовых ресурсов в пользу тех, кто выигрывает конфликты. Увеличение силового ресурса позволяет одерживающей верх организации вводить в действие и обеспечивать выполнение все большего числа правил и постановлений. Государство возникает как общий результат подобных усилий. С другой стороны, этот процесс способствует появлению безопасных экономических пространств, в которых развивается сотрудничество или мирная конкуренция.

В своей классической работе «Теория международной политики» Кеннет Уолтц приводит наглядный пример экономических последствий монополизации силы в сфере международных отношений. Нам представляется, что подобные закономерности действуют в любой системе, в которой присутствуют независимые силовые структуры и хозяйствующие субъекты. После перехода от многополярной системы баланса сил в мире к биполярной системе, т.е. после образования двух ядерных сверхдержав, Советского Союза и Соединенных Штатов, между государствами Западной Европы начало стремительно развиваться экономическое сотрудничество. Раньше, когда основные европейские государства сами были великими державами, их взаимоотношения подчинялись принципу игры с нулевой суммой: экономический выигрыш одного государства воспринимался другими как собственный проигрыш. Каждое государство расценивало экономический рост другого государства как угрозу собственной безопасности. Сотрудничество было возможно исключительно как стратегический альянс одних стран против других. Когда после Второй мировой войны государства Западной Европы попали под протекторат североамериканской сверхдержавы, они стали потребителями, а не производителями безопасности, т.е. основные заботы по обеспечению безопасности были переданы другому, значительно более могущественному государству. Вследствие этого изменилась система коллективных ожиданий: экономические успехи или трудности европейских стран перестали напрямую связываться с уровнем военной угрозы друг другу. «Впервые в современной истории, – пишет Уолтц, – факторы, определяющие вопросы войны и мира, находятся вне пределов европейских государств, а средства их

¹² Thompson, Janice. *Mercenaries, Pirates, and Sovereigns: State-building and Extraterritorial Violence in Early Modern Europe*. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 23.

выживания переданы другим».¹³ Это новое обстоятельство, относящееся к структурному изменению в распределении силового потенциала (основные составляющие обеспечения безопасности были делегированы более сильной стороне), способствовало осознанию общих экономических интересов и последующей их реализации через новые механизмы сотрудничества. Помимо зоны свободной торговли, система европейской безопасности создала возможности для введения однородных правил, регулирующих общий рынок, и тем самым позволила участникам получать все возрастающие выгоды от экономического сотрудничества¹⁴.

Изъятие ресурсов (налогообложение)

Хотя в основе политики формирования государства лежит принцип монополизации силы, он не является единственным. Монополия силы как запрет на применение насилия без санкции правителя была тесно связана с фискальной монополией – исключительным правом правителя собирать дань или различные налоги для защиты страны и управления ее хозяйством. Увеличивающийся спрос на средства для ведения войны и сохранения превосходства над внутренними или внешними противниками (в прошлом эта граница была весьма условной) подталкивали правителей к организационным нововведениям, целью которых было более эффективное взимание налогов.

Согласно утверждению Йозефа Шумпетера, модели налогообложения оказали не меньшее воздействие на форму современного государства, чем войны¹⁵. Элементарной формой изъятия ресурсов была дань натуральным продуктом, однако для ее сбора и учета требовались значительные усилия. Еще одной проблемой для правителей зарождающихся государств была зависимость от надежности военачальников (крупных феодалов) в военное время. Для увеличения дохода европейские правители предпринимали меры по монетаризации экономики, т.е. введению единого средства обращения и платежа, поскольку равномерное налогообложение подданной территории и эффективное использование полученных средств в военно-политических целях возможны только при выражении податей во всеобщем эквиваленте. Возможность содержать наемные войска и регулярную армию также зависела от наличия платежных средств. Попытки денежной консолидации, вызванные стратегическими соображениями, способствовали созданию национальных рынков, основанных на универсальном средстве обмена.

Как правило, король являлся самым крупным землевладельцем, и источником его благосостояния были его владения. Попытки ввести регулярный налог и распространить его на всю территорию королевства встречали жесткое сопротивление подданных, часто доходившее до открытого бунта. Общее мнение, согласно которому король, так же, как и все остальные, должен жить за счет своих земель, было одним из главных препятствий легитимности государства, препятствием, которое пришлось преодолевать с помощью насилия и убеждения. Вот как описывает взаимозависимость принуждения и налогообложения Тилли:

«Налогообложение было основным средством, с помощью которого строители государств в XVI в. и далее содержали свои постоянно растущие армии, которые, в свою очередь, были

¹³ Waltz, Kenneth. *Theory of International Politics*. Reading, Mass: Addison-Wesley, 1979. Ch. 3.

¹⁴ Теоретическая модель сотрудничества более подробно рассматривается в книге: Axelrod, Robert. *The Evolution of Cooperation*. N.Y.: Basic Books, 1984.

¹⁵ Schumpeter, Joseph. The Crisis of the Tax State, in: Swedberg, Richard (ed.) *The Economics and Sociology of Capitalism*. Princeton: Princeton University Press, 1991. P. 108.

главным инструментом для защиты их территории, ее расширения, обороны от внешних нападений и утверждения приоритета в использовании силы в границах своей территории. И наоборот, военные нужды в те времена были основным стимулом введения новых налогов и упорядочивания старых. Далее эта необходимость становилась самоподдерживающейся; для преодоления отказа платить налоги требовалось поддержание боеготовых военных формирований»¹⁶.

Практики контроля

Процесс формирования государства неправомерно сводить лишь к попыткам правителей консолидировать политическую власть «наверху». Важнейшей, хотя и менее заметной, составляющей этого процесса является политика микроуровня, отправление власти «снизу вверх», совокупным эффектом которого и является государство. Как и другие формы общественной жизни, государство представляет собой некоторую совокупность практик. Так, в своем классическом исследовании истории манер Н. Элиас показывает, насколько сложным было практическое установление и поддержание монополии силы¹⁷. Он блестяще описал механизм, связывающий социальные процессы макроуровня и повседневные социальные взаимодействия на микроуровне. Большие военные победы и последовавшая за ними централизация власти создали структурные условия, которые позволили правителю учредить институты, корректирующие поведение личности так, чтобы при этом обеспечивался эффективный контроль насилия. По мере того как более сильный князь становился суверенным правителем зарождающегося государства, его двор превращался в основное место и форму государственного управления, а удельные князья – бывшие рыцари – в придворных. Такая перемена статуса предполагала и изменение поведения в соответствии с кодексом «хороших» манер, который Элиас рассматривает как важнейший инструмент контроля аффектов, в первую очередь спонтанной агрессии. Таким образом, процесс превращения рыцарей в придворных оказывался тонким социокультурным механизмом демилитаризации местной военной знати. Основное открытие Элиаса состояло в том, что трансформация манер и морали от рыцарства к цивилизованности связана с политикой централизации государства. В действительности, набор практик, позволявших контролировать уровень насилия, варьировался от застольных манер (например, способа передачи ножа за столом) до жестких запретов на дуэли. В период формирования государств многие европейские монархи издавали эдикты, запрещающие дуэли, а Людовик XIV установил четкие правила разрешения споров, особенно тех, что затрагивали вопросы чести¹⁸. Именно придворное общество, сформировавшееся как социокультурное выражение превосходящей силы и наложившее жесточайший запрет на несанкционированное использование насилия, дало мощный толчок развитию наук и искусств, этих исключительно мирных занятий, требовавших вкуса и самоконтроля¹⁹. Цивилизация, таким образом, получала свое наивысшее развитие там, где господствующая сила устанавливала жесткую дисциплину

¹⁶ Tilly, Charles. Reflections on the History of European State-Making, in: Tilly, Charles (ed.) *The Formation of National States in Western Europe*. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 23.

¹⁷ Elias, Norbert. *The History of Manners*. Vol. 1: The Civilizing Process. Oxford: Basil Blackwell, 1993.

¹⁸ Clark, Samuel. *State and Status: The Rise of the State and Aristocratic Power in Western Europe*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1995. P. 168.

¹⁹ См. также: Elias, Norbert. *The Court Society*. Oxford: Basil Blackwell, 1983.

аффектов, препятствуя свободному разряжению аффектов агрессии и превращая их во множество более утонченных моральных и эстетических форм²⁰.

Рост эффективности государства в XVIII в. связан с введением мер повседневной дисциплины и надзора, способствовавших увеличению податливости населения – основная тема исследования в известной книге Мишеля Фуко²¹. Пьер Прудон, один из основателей анархизма в XIX в., был, вероятно, первым, кто составил своего рода каталог практик современного государства и вынес ему обвинительный приговор. Его рассуждения передают характерное для того времени отношение к этим недавним и еще не ставшим привычными нововведениям:

«Быть объектом правления – это когда за тобой следят, шпионят, тебя инспектируют, направляют, держат в рамках закона, присваивают номера, регулируют, записывают, индоктринируют, наставляют, контролируют, проверяют, пересчитывают, оценивают, подвергают цензуре, командуют, – и делают все это существа, у которых нет на то ни права, ни мудрости, ни добродетели. Быть объектом правления означает, что при каждой операции, каждой транзакции, тебя регистрируют, считают, облагают налогами, ставят на тебе штамп, замеряют, нумеруют, оценивают, выдают лицензию, уполномочивают, убеждают, останавливают, запрещают, исправляют, наказывают. Это означает, что под предлогом общественной пользы и во имя общего интереса тебя облагают налогами, муштруют, обдирают как липку, эксплуатируют, монополизируют, обкрадывают, обременяют податями, обманывают, грабят; затем, при малейшем сопротивлении, при первой же жалобе, тебя подавляют, облагают штрафом, поносят, изводят, загоняют как зверя, нападают, бьют дубинками, разоружают, связывают, душат, сажают за решетку, судят, осуждают, расстреливают, депортируют, приносят в жертву, продают, предают; и в довершение всего, насмеваются, издеваются, осмеивают, оскорбляют, обещивают. Вот что такое правительство, вот что такое его правосудие, вот что такое его мораль»²².

Как и в случае с монополией силы, создание фискальной монополии на практике требовало гораздо большего, чем просто организации определенного центрального аппарата. В своей недавно вышедшей книге Джеймс Скотт описывает повседневные практики, конституирующие налоговое государство [fiscal state]. Столь различные новшества, как введение фамилий и городское планирование, были частью государственной стратегии, нацеленной на создание более четкой инфраструктуры, что, в свою очередь, помогало идентифицировать и найти каждого отдельного налогоплательщика. Однако тот факт, что массовые народные выступления стали редкостью, не означает отсутствие сопротивления, поскольку, как показывает Скотт, борьба была успешно переведена в сферу повседневной практики, в которой крупные государственные проекты зачастую терпели неудачу²³.

²⁰ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Фрейд З. Избранное. Кн. 2. М.: Московский рабочий, 1990. С. 3–79.

²¹ Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

²² Proudhon, Pierre. *General Idea of the Revolution in the Nineteenth Century*. L.: Freedom Press, 1923. P. 293–294. Цит. по: Nozick, Robert. *Anarchy, State, and Utopia*. P. 11.

²³ Scott, James. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1998.

Легитимность, структура и поддержание границ

Борьба за легитимацию регулярной налоговой системы была важнейшей составляющей перехода от патримониального к современному бюрократическому государству²⁴. Рано или поздно данный переход произошел в большинстве государств. Частная монополия силы, дававшая победившему правителю возможность контролировать значительные ресурсы, одновременно создавала практическую проблему эффективного управления ими. Изначально государство являлось не более чем организационным решением данной проблемы. Государственный аппарат, которым сначала был просто королевский двор (и как частное место жительства, и как публичное пространство), постепенно расширялся и превращался в систему функционально дифференцированных органов, управляемых представителями государства. По мере того как государственное управление отделялось от королевского двора и становилось функцией иерархически организованного профессионального аппарата, государство превращалось в отдельную институционализированную сферу, обслуживавшую публичные, т.е. общественные интересы. Элиас называет это переходом от частной монополии к общественной.

Содержательный и структурный аспекты государства

Легитимация современного государства, в том числе и использования силы его представителями, связана с его претензией на служение общественным интересам и статус безличной общественной или публичной организации. Если военная сила и организация составляют субстантивный, т.е. содержательный аспект формирования государства, то достижение публичного статуса, т.е. претензия на служение общественным, а не частным интересам относится к тому, что можно назвать структурным аспектом. Наличие государства подразумевает поддержание и воспроизводство границ между общественным и частным, формальным и неформальным, безличным и личным (персонифицированным) способами действия и соответствующими сферами. Это структурные, т.е. исключительно реляционные, формообразующие категории. В отличие от территориальных границ, размечающих объективное пространство, структурные границы конституируются поведением и восприятием (аттитудами) участников, как чиновников, так и частных лиц. При формировании государства разделение сфер (и типов действия) на общественную и частную связано с экономическими интересами, разделение на формальный (официальный) и неформальный способы действия относится к системе правил и постановлений, а на безличный и личный (персонифицированный) – к способам их применения. Государство является легитимным, т.е. его законам следуют, а его приказам добровольно подчиняются, когда оно способно эффективно поддерживать эти границы, отделять себя от сферы частных интересов и персонифицированных отношений и когда оно воспринимается большинством подданных или граждан в качестве общественного, официального и безличного института. Механизмы поддержания этих границ также составляют важнейшую часть государства. Это могут быть как способы воспитания и обучения государственных чиновников для укрепления духа служения государству, так и проведение чисток и крайне жестоких репрессивных мер по отношению к служащим, не соблюдающим эти границы. Сбои и нарушения в поддержании структурных границ обычно называют словом «коррупция», а восстановление или укрепление государства в структурном аспекте – «борьбой с коррупцией».

²⁴ Подробнее см. Braun, Rudolf. Taxation, Sociopolitical Structure, and State-Building: Great Britain and Brandenburg-Prussia, in: Tilly, Charles (ed.) *The Formation of National States in Western Europe*. P. 243–327.

Исторически на образование структурных границ, формирующих современное государство, и на создание эффективной системы их поддержания ушло немало времени. Необходимо также различать исторические усилия, которые были предприняты для внедрения этих границ или различий, и постоянные ежедневные действия, посредством которых они воспроизводятся. История или диахронная перспектива рассмотрения государства показывает нам, как государства обрели современную форму и как они различались на разных этапах своего развития. Повседневное воспроизводство структуры (т.е. границ и отношений) или синхронная перспектива показывает зависимость существования государства от повседневного поведения и отношения людей и дает нам представление о том, как государство может перестать существовать в случае исчезновения этих границ – даже если его содержательные элементы (административно-полицейский аппарат) сохранятся.

Этос и традиция государственной службы способствуют экономии ресурсов и усилий, затрачиваемых на поддержание границ. Нарушение традиции и истощение ресурсов, вызванные массовым оппортунистическим поведением государственных функционеров, ведут к структурному разрушению государства или его приватизации²⁵. Структурный кризис может произойти практически в любой сфере государственного устройства, но наиболее глубоким он становится тогда, когда затрагивает основы государства – способность контролировать силу, вершить правосудие и собирать налоги. Тогда можно представить, как общественная монополия силы – общественный характер которой является важнейшим фактором легитимации – может распасться на множество частных «монополий», устанавливаемых частными организациями, владеющими ресурсом принуждения.

Многообразие субъектов политики

Отделяя структурный аспект формирования государства от субстантивного (содержательного), можно теперь рассмотреть государство с точки зрения сугубо конфигурационных, реляционных категорий. Субстантивный аспект включает в себя создание различных организаций, составляющих государство, в том числе тех, которые поддерживают его возможности по принуждению и обеспечению безопасности. Это организационно-техническая составляющая государства, своего рода *hardware*. Структурный аспект государства – это соотношение сил и соответствующие ему границы. Несмотря на то, что монополизация силы предполагает значительный рост военного, правоохранительного и административного аппарата, их существование еще не означает наличие государства (хотя обязательно порождает такую иллюзию). Монополизация силы – это изменение границ между силовыми структурами или организациями, распоряжающимися насилием, которое определяет, каковы те единицы, которые являются субъектами силовых отношений. В какой-то момент субъектами силовых отношений являются индивиды или группы, при другой расстановке сил и других границах – это уже крупные организации, например, города-государства или княжества. Вне зависимости от своего размера и названия, эти единицы сохраняют достаточно безопасную и хорошо структурированную среду в пределах своих границ или сфер ответственности и ведут борьбу друг с другом за их пределами. Реконфигурация сил создает новую ситуацию, при которой границы изменяются, и субъекты политики принимают иные формы. Это могут быть, например, национальные государства на международной арене. Данный процесс может принять и обратное направление, привести к дроблению крупных монополий и возникновению большого количества новых конфигураций сил, что часто происходило после распада империй или

²⁵ Подробное исследование оппортунистского поведения государственных функционеров см. в кн.: Solnick, Steven. *Stealing the State*. Harvard: Harvard University Press, 1998.

крупных государств. Однако с точки зрения конфигурационных изменений понятие территории несущественно или вторично; оно просто отражает границы более стабильных монополий. Единицы, из которых состоит та или иная конфигурация, могут иметь разные формы и названия, от рэкетирских группировок до княжеств и от городов-государств до империй. В современном мире преобладает форма, являющаяся на данный момент наиболее стабильной и жизнеспособной – государство или национальное государство [nation-state]. Это, однако, не исключает возможность ее исчезновения в будущем – ведь существовавшие в течение столетий субъекты политики, такие, как города-государства или империи, уже практически исчезли.